

Елена Березович, Ксения Осипова

«Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка¹

Согласно русским народным пищевым канонам, «настоящий» суп должен быть наваристым, густым, жирным, а чай — крепким и сладким. Жидкий (и, как правило, постный) суп и некрепкий чай (или чай без сахара, молока) — реалии, на первый взгляд, малозначительные, но они «оттеняют» свойства «настоящего» супа и чая, а потому получают при осмыслении в народной культуре четко выраженную оценку (преимущественно негативную) и множество наименований (большей частью экспрессивных, шуточных, иногда основанных на метафоре) в общенародном языке, а особенно в просторечии и говорах (реже в жаргонной речи); обозначения «качественного» супа и чая встречаются не так часто. Рассмотрим некоторые мотивы и способы номинации этих реалий, используя в качестве основного материала лексические и фразеологические единицы русских народных говоров и просторечия (реже — литературного языка и жаргонов) и привлекая в ряде случаев инославянские параллели².

Елена Львовна Березович
Уральский федеральный
университет, Екатеринбург
berezovich@yandex.ru

Ксения Викторовна Осипова
Екатеринбургская академия
современного искусства
kryanikova@yandex.ru

¹ От души благодарим коллег, которые оказали помощь в сборе материала: Е. Бартминского (Люблин), Т.В. Володину (Минск), Г.И. Кабакову (Париж), В.Б. Колосову (Санкт-Петербург), Ст. Небжеговску-Бартминьску (Люблин). Особая благодарность И.Б. Качинской (Москва), которая любезно познакомила нас с неопубликованными материалами картотеки «Архангельского областного словаря».

² Диалектный материал, извлеченный из словарей и неопубликованных полевых картотек, паспортизирован; широко известные (проверяемые по словарям литературного языка или по стандартным запросам в сети Интернет) факты литературного языка или просторечия не снабжены ссылкой

Чаще всего рассматриваемые значения передаются качественными прилагательными (и образованными от них существительными), которые выражают идею *недостатка, отсутствия, нехватки* чего-либо (С.М. Толстая называет такие прилагательные каритивными [Толстая 2008: 50–98 и др.]). При этом универсальным определением для подобного рода блюд, наверное, можно считать слово *пустой*, ср. литер. *пустой суп, пустые щи, пустой чай*, арх., калин., карел. *пустовáра* ‘«пустые» щи» [СРНГ 33: 144], смол. *порожний* ‘постный (о еде)’: «Суп у меня сегодня порожний» [ССГ 8: 176] и мн. др.

В *пустом чае* недостает заварки (литер. *слабый, жидкий чай*, влг. *тихой*: «Больно тихой чай, совсем не тот вкус, запаху почти нет» [СРГК 6: 464], р. Урал *скудный* [СРНГ 38: 177], дон., орл., смол. *редкий* [СРНГ 35: 19], арх. *тонкий* [Подвысоцкий 1885: 173], б.м. *жидкопляс* [Даль 1: 409]), сахара или молока (простореч. *простой, пресный чай*, забайк. *постный* [СРНГ 30: 230], новосиб. *порожний*: «Порожний чай не белят и сахару не кладут» [СРНГ 30: 71], влг. *глухой* [КСГРС]).

В *пустом супе* не хватает жира, заправки (литер. *постные щи*, оренб. *сухой суп* [СРНГ 43: 13]¹, влг., оренб. *простой суп* [КСГРС; Малеча 3: 445], *порож(з)ница* ‘пустая варка, пустые щи или кашлица, в пост или когда нет ничего’ [Даль 3: 319], ср. польск. диал. *ślepy rosół* ‘суп из овощей без жира’, чеш. диал. *šlepa polívka* ‘то же’, *šlepy ryby* ‘постный суп с картошкой’ [Толстая 2008: 147]), мяса (новг. *пустовáрка, пустовáра* ‘суп без мяса’: «Вода, картошка и овсяная крупа — вот и пустоварка. Ну у их мяса-то нет, только пустоваркой и кормили» [НОС: 981]), гу щ и (литер. *жидкий суп*, азерб., дон., краснояр., курск., орл., смол., ставроп. *редкий*: «Наварила супу, а он редкий, пожадила мясу» (азерб.) [СРНГ 35: 19], яросл. *голы́ша*, твер. *голызня́*, влад., костр., яросл. *голы́шка*: «Вот как работаем, а домой как придёшь, дак и бузи голышку» (костр.) [СРНГ 6: 345, 347], влг., вят., костр., перм., урал. *жиделя́га* [СРНГ 9: 169]) или а р о м а т а (смол. *бездушный* ‘не имеющий запаха, аромата; безвкусный’: «Суп биз мяса такей бяздушный, хуть ты вон выливай, и ни пахнуть ничим» [ССГ 1: 147]). В целом же *пустым* блюдам недостает питательности, ср. рус. карел. *тонкий* (о пище) [СРГК 6: 480], влг. *слабая пища* ‘малопитательная пища’ [СРНГ 38: 211]. На другом полюсе оппозиции — пища *густая, жирная* (так можно сказать не только о супе, но и о чае, ср. арх., влг., костр. *жирный (-ой)* ‘крепкий, хорошо заваренный (о чае)’:

на источник (для малоизвестных фактов она приводится). Контексты из художественной литературы тоже даются без паспортизации; они извлекались из Национального корпуса русского языка <<http://ruscorpora.ru/>>.

¹ Ср. польск. *sucha zupa*, а также другие примеры «сухих» названий пищи [Толстая 2008: 60].

«Девушки, кто какой чай-то пьёт, жирной али нет?» (арх.) [СРГК 2: 64; ЛКТЭ]), *толстая* (ср.-урал. *толстые щи* 'густые щи' [ДЭИС], кемер., новг., том., ярсл. *толстые щи* 'то же' [СРНГ 44: 214], ср. также арх. *толстое пиво* 'густое' [Подвысоцкий 1885: 173]), *наквашенная* (ср. арх. *квашить чай* 'добавлять в чай молоко, сахар и т.п.': «Пустой-от чай не пей, квась, квась» [СГРС 5: 113]), *скоромная*, *воложная* (о супах); слабому чаю противопоставлен *крепкий*, *дюжий* (арх. *дюжий*, *дюжей* 'концентрированный, крепкий (чай)': «Иногда, как чаю напьюсь дюжого, да мне и не заспать никак» [СРГК 2: 18]).

Признак нехватки в супе или чае «содержания» может быть выражен не только качественными прилагательными, но и другими способами. Встречаются прямые указания на отсутствие необходимых составляющих блюда: вят. *нескладуха* 'суп из лука и картошки без мяса': «Нескладуху хоть свари, хоть горяченького поедим» [ОСВГ 6: 237]. Среди опосредованных обозначений таких блюд есть атрибутивные сочетания, в составе которых определяемый компонент указывает на основное содержимое супа или чая — воду. Каритивно можно представить воду как суп без питательных ингредиентов или чай без заварки, ср. перм. *жареная вода* 'слабо заваренный чай или квас' [ФСПГ: 52], жарг. *варводичка* (из *варёная водичка*) 'очень жидкий суп'. Кстати, «переворачивая» эту модель, можно получить иронические наименования собственно воды, кипятка как неполноценного чая (или другого напитка). Для носителей диалекта это «чай», «квас», «вино» гусей и уток (вят., ср.-урал. *гусиный чай* [ДЭИС; КСРНГ], перм. *гусиной квас*: «Пить-то у нас вам нечё подать, разве только гусиной квас, вода только проста» [ФСПГ: 164], оренб. *утиный квас* [Малеча 2: 182], польск. диал. *gęsie wino* («гусиное вино») [Karłowicz 2: 183]), для носителей жаргона — кола, текущая из-под крана (укр. жарг. *кран-кола* [Аркушин 2005: 45]). Признак пищевой неполноценности может быть образно выражен и путем указания на неполноценность «социальную»: пск., твер. *холостянка* 'пустая похлебка без рыбы и без мяса' [КСРНГ; Даль 4: 560], арх. *цыганская уха* 'то же' [КСГРС].

Из «физических» свойств жидкой пищи выделяется **цветовая характеристика**. Есть наименования, отражающие реальный цвет постных супов, которые нередко готовятся из капусты или зелени: литер. *зелёные щи* 'щи, приготовленные из листьев шпината, щавеля или молодой крапивы', бурят. *зеленушка* 'холодный суп из свежих овощей; окрошка' [СРНГ 11: 249], влг. *зелёная уха* 'пустой суп': «Зелёная уха ненастояща, не рыба, а лук да картошка» [КСГРС] и др. Цветовой эпитет может иметь и иной смысловой акцент: подчеркивается не столько цвет основных ингредиентов, сколько отсутствие в супе мяса

или жира, сметаны, молока (т.е. *забелы*, *подбелки*¹ и т.п.). В этом случае супы «окрашены» в синий, черный или серый цвет: перм. *синяя похлёбка* ‘картофельный суп без мяса и жира’: «Они без денег сидят, придёшь — одну синюю похлебку хлебают, из картошечки» [СРГЮП 2: 429], ср.-урал. *чёрные щи* ‘пустые щи, не приправленные сметаной’ [ЛЗА: д. Кунгурка Ревдинск. р-на Свердловск. обл.], ворон. *серый квас* ‘постная, без мяса окрошка’: «Ели серый квас, не забеленый ништо» [СРНГ 37: 226] (ср. литер. *серые щи* ‘щи, приготовленные из верхних, зеленых листов капусты’). Подобная цветовая характеристика таит в себе оценку, которая становится явной в тех случаях, когда черный суп символизирует отказ при сватовстве: рус. ср.-урал. *налить чёрных щей* ‘отказать при сватовстве’, блр. *даць чорнай поліўкі*, польск. *dostać (dać) czarną (szarą) polewkę* («получить (дать) черный (серый) суп») ‘то же’ и др. Отказная символика основана на признаке «пустой, лишенный содержания, будничный, “непрестижный”», противопоставляющем такую пищу жирной, вкусной, праздничной (подробнее см.: [Березович 2007: 254–255]).

Цветовые обозначения слабого чая организованы иначе. Крепкий и слабозаваренный чай противопоставлены по насыщенности цвета, ср. влг. *красный* ‘крепкий (о чае)’, *краснина* ‘крепость, насыщенность чая’, *некрасный* ‘некрепкий (о чае)’: «Красного тебе чаю?», «Я всё боле некрасный чай пью, с красного спится хуже», «Для краснины хоть варенье положи» [КСГРС]. Названия жидкого чая пародируют «красивые» названия чайных сортов (разг. *чай* — *белая роза*, *чай* — *белые ночи* [СФСРЯ: 67–68]) или же метафорически уподобляют чай какой-то светлой жидкости. Это может быть моча (простореч., жарг. *моча* ‘о напитках недостаточной крепости, плохого цвета, разбавленных водой’, *моча (писса, писи) сиротки Хаси* ‘то же’, *писи пани Хаси, бычья (верблюжья) моча* [Белянин, Бутенко 1993: 29, 51], *моча дохлого бегемота, моча (писи) сиротки Аси* [БСРП: 414, 502], *моча дикого осла, архиепископа Макария пи-пи* [ЛЗА: Москва], арх. *моча Кузьмича (Ильича), моча лошади*, влг. *моча дохлого поросенка* [КСГРС], костр. *кобылья ссяка* [ЛКТЭ], блр. простореч. *мачай* (< *мача* + *чай*), смол. *си́аки* ‘о плохом жидком кушанье’: «Не суп, а сяки» [СРНГ 34: 80], польск. простореч. *siki Weroniki* и др.)²; речная (озерная) вода: арх. *уфтыюга* ‘слабо заваренный чай’: «Уфтыюгу каку-то пьём, жёлтенька водичка. “Уфтыюга” в шутку говорим, речка

¹ Ср. диал. шир. распр. *забела* ‘сметана, сливки или молоко как приправа к пище, к чаю’ [СРНГ 9: 250–251], костр. *подбёлка* ‘то же’ [ЛКТЭ] и др.

² Ср. также жарг. *кобылья моча* ‘сильно разбавленное пиво’, *моча старухи Изергиль* ‘компот в школьной столовой’ [БСРП: 414].

у нас такая» [КСГРС], арх. *белое море*: «Ну, белое море заварил» [КСГРС], простореч. *байкал* ‘слабо заваренный чай (в основе метафоры — чистота воды озера Байкал)’ [ССРГ: 22]. Сопоставление с речной водой (на этот раз для жидких шей) кроется также в присловье: «Эти щи по заречью шли, да по воде к нам пришли» [Даль 4: 657].

«Географические» образы в составе названий некрепкого чая воплощают также признак прозрачности, тесно связанный с цветовой характеристикой. Самый популярный из них — образ Москвы, задающей своеобразный «предел видимости», ср. простореч. *Москву видать* ‘о прозрачном жидком чае’, арх., влг., костр. *Москва видко* (*видно, видать*) [КСГРС; ЛКТЭ], костр. *Москва из чайника видна*: «Долей ещё заварки, а то вон у тебя Москва из чайника видна!» [ЛКТЭ] и др.¹ В качестве ожидаемой пары к *Москве* может добавиться *Питер* (*Ленинград*): костр. *Москву и Питер видно*: «Это чай-от жидкой, Москву и Питер видно» [ЛКТЭ]. Интересен следующий контекст, в котором дается не пространственная, а «социальная» реинтерпретация образов двух столиц: костр. «Жидкий чай — Москва и Ленинград, ничего в их нет, пусто в чае, как в городе» [КСГРС]. На разных территориях есть и свои локальные «пределы видимости»: в Петербурге — *Кронштадт* (<чай> *что из Петербурга Кронштадт видно* [СФСРЯ: 67]); в Костромской области — *Кострома* (*Кострому видать* [ЛКТЭ]); в Вологодской области — *Вологда* (*вологодское видать* [КСГРС]); в Архангельской области — *Вонга*² и *Вологда* (*Вонга видна* [АОС 5: 79], *Москва и Вологда видать*: «Чай-от, скажут, моча Кузьмича, Москва и Вологда видать» [КСГРС]); в Южном Прикамье — *Иштеряки*, *Харино* и *Хутора*³ (*Иштеряки* (*Харино, Хутора*) *видать* ‘о слабо заваренном чае’: «Что мало налила — Иштеряки видать. Слабый чай-то. А раньше татары-то по-другому говорили: “Ой, Харино видать, Хутора видать”. <...> Хутора — туто раньше деревня была» [СРГЮП 1: 123]) и др.

Встречаются и другие образы, передающие идею прозрачности чая через «зрительные впечатления»: прииртыш. *заячы глаза видать* [СРСГСП 1: 226]⁴, влг. *родителей видно*: «Мама говорила: “Ну, налила чай! Родителей видно!» [КСГРС], влг. *сам себя видишь*: «Чай пустой совсем, сам себя видишь» [Там же]. Пустые супы тоже могут быть жидкими и прозрачными,

¹ Ср. также костр. *Москва-родня видно* ‘о тонком куске хлеба или сыра’: «Как тонкий отрежешь — так вся Москва-родня видно» [ЛКТЭ].

² Деревня на Пинеге неподалеку от д. Валдокурье, где записано данное выражение.

³ Деревни в Уинском районе Пермского края.

⁴ Ср. также жарг. *желтые глаза* ‘слабо заваренный чай’ [БСРП: 122].

ср. простореч. *Москва на воде* [ЯСМ: 354], костр. *Москва видать*: «Это суп, это значит прозрачный, там ничего нет, в тарелку нальёшь, так и Москва видать, там рисунок видно, не жирный» [ЛКТЭ], морд. *дно видать*: «Заелся шас нарот, а бывала сядиш суп хлябать, а он дно видать» [СРГМ 2: 23], новг. *потолок видать*: «Нальет какого-то супа потолок видать» [НОС: 113]. Напротив, супы, приготовленные путем замешивания, могут напоминать по цвету и консистенции мутную жидкость или жидкую грязь: вят. *бутормáга* ‘грязный поток воды’, свердл. ‘жидкая пища, напиток, плохо приготовленные, неудавшиеся’ [СРНГ 3: 313], арх., влг. *тяншá* ‘постная похлебка’, ‘жидкая грязь’ [КСГРС], ср. польск. диал. *burleta* ‘плохая, жидкая пища’, ‘грязь’, *chlapaczka* ‘грязь’, ‘жидкий, пустой суп’ [SGŚ 3: 68; 4: 82] и др. Из зрительных впечатлений от пустого супа важно и то, что в нем не поблескивают капельки жира: костр. *ни блёздочки, ни звёздочки* ‘о пустом супе’: «А из глухаря ни блёздочки, ни звёздочки — пустой суп» [ЛКТЭ], жарг.-арм. *суп «майор»* ‘очень жидкий суп (одна блёстка жира похожа на одну звезду майора)’ [БСРП: 652]; в качестве антитезы ср. петерб. *щи с прозументом* ‘щи с разводами жира или сала’ [СРНГ 32: 143].

Что касается *технологии приготовления* пустых супов, то, в отличие от густого супа, жидкую похлебку чаще всего замешивают (*взбалтывают*), — например, на муке, ср. литер. *болтушка*, свердл. *баламутка* ‘постный гороховый суп’ [ДЭИС]. Мотив болтания-бульканья жидкого супа (признак «бульканья» тоже отличает пустой суп от густого), поддержанный игрой слов *болтать* ‘мешать’ и *болтать* ‘говорить’, а также оценка постной пищи как пустой отражаются в семантической модели ‘жидкий суп’ ↔ ‘пустые разговоры’, ‘тот, кто ведет пустые разговоры, болтун’: простореч. *брандахлыст* ‘о негодном напитке, о плохом жидком кушанье, супе’ — и влг., перм. *брандахлыст* ‘болтун, сплетник’ [СРНГ 3: 148]; б. м. *саламáта* ‘пресная, вскипяченная болтушка’ — и *саламáтить* ‘говорить пространно, вяло и пусто’ [Даль 4: 130]; простореч. *баланда* ‘жидкая похлебка’ — и жарг. *травить баланду* ‘вести беспредметный разговор’ [БСРЖ: 46]; влг. *рощекóлда* (*росщеколда, росщёколда*) ‘похлебка с луком и картошкой’ [КСГРС], влг. *расщекóлда* ‘кушанье, род похлебки из картошки и лука, приготовленной на воде’ [СВГ 9: 44] — и влг. *расщекóлдывать* ‘говорить бойко, тараторить, рассуждать торопливо и резко’, влг., иркут. *расщекóлда* ‘человек, любящий балагурить, шутить, острить, болтать; трещотка’ [СРНГ 34: 333], яросл. *ровно щеколда молоть языком* ‘о бойкой на язык женщине’ [ЯОС 8: 134]; влг. *пустовáра* ‘пустой суп’ — и влг. *пустовáр* ‘болтун’ [КСГРС]; ср. кашуб. *χlubotac* ‘о жидкостях: булькать’ — и *χlubotka* ‘какой-л. жидкий суп’, ‘болтливая женщина’ [Sychta 2: 37] и др.

Говоря о технологии приготовления пустых супов, упомянем также жарг.-простореч. *кондёр, кандёр* ‘жидкая тюремная пища, похлебка’ [БСРЖ: 275], ср. также брян., орл., тул. *кондёр* ‘пшеничный суп (обычно заправленный салом или маслом с луком)’: «От кондеру ноги задеру» [СРНГ 14: 246], орл. *кандюр* ‘суп из просяной крупы’ [ССГ 5: 14]. Такая похлебка варилась часто из «ободранного» пшена, на основании чего О.Н. Трубачев выделил в слове *кондёр* корень *драть* ‘шелушить’, приставку *ко-* и вставной элемент *н* [Фасмер 2: 179]. В современном просторечии у этого слова фиксируется новый вариант — *кондэй* (*кандэй*): «Кандей — простой рецепт: вода и просо» <<http://otvet.mail.ru/question/1234715>>, *Суп кандей из бараньих м...дей*. Думается, эта лексема возникла вследствие притяжения более пространственного *кондёр, кандёр* к слову уголовного жаргона *кандэй, кондэй* ‘карцер, штрафной изолятор’, ‘тюрьма’ [БСРЖ: 241], ср. также ворон. *кандэйка* ‘тюрьма’ [СРНГ 13: 38], что говорит о наличии у жидкой пищи ‘тюремных ассоциаций’ (об этом см. ниже).

Возможно, мотивационное сходство с *кондёром* имеет костр. *лощёнка* ‘пустой суп’: «Лошшонку сварила, хорошего нет ничего» [ЛКТЭ]. Это название образовано от глагола *лощить*; в гнезде праслав. **loščiti* (и соотносительного с ним **loskati*), среди прочих, есть значения ‘драть, бить, наносить удары’ [ЭССЯ 16: 96, 80–81]. Нельзя исключать и иных мотивационных возможностей. У производных от **loščiti / *loskati* отмечены также значения ‘болтуня, трещотка, тараторка’, ‘сварливая женщина’ (рус. диал. *лоскотуха*), ‘шорох, шум’ (др.-рус. *лоскотъ*) и др. [ЭССЯ 16: 82–83]; смысловая ‘связка’ ‘болтливая женщина’ ↔ ‘булькающий суп’, как мы видели выше, повторяется в нескольких лексических гнездах. Наконец, у продолжений **loščiti / *loskati* представлено значение ‘хлепать, чмокать (губами)’, которое может отражать впечатление от поедания супа, ср. костр. *похлебёнка* ‘пустой суп’ [ЛКТЭ], ср.-урал. *ухлёбка, похлебень, похлебёц* ‘то же’ [ДЭИС].

Жидкий суп и чай могли быть приготовлены из остатков полноценного блюда — ср. простореч. *ополоски* ‘о жидком, спитом чае’, ср.-урал. *скоблянка* ‘суп-скороварка «из ничего»’ [ДЭИС], пск., твер. *помыва* ‘жидкая, невкусная пища’ [СРНГ 29: 235], ленингр. *ополощина* ‘то же’, ленингр. *полощанный* (чай) [СРГК 4: 219; 5: 61]. Мотив полоскания, поддержанный рифмой *щи* — *полощи*, может развиваться и в другом направлении: суп (чай) настолько жидок, что им, как водой, можно мыться или полоскать в нем белье: рус. *Каша да щи, хоть рот полощи* [Иллюстров 1915: 404], укр. *Борщ такий, хоть голову мый* [В.Щ. 1899: 269], *Хоч голову мий!* [Номис 1864: 539], *Щи — хоть ноги (штаны) полощи* [БСРП: 762], влг. *Щи — хоть белье полощи* [КСГРС],

костр. *портянки полоскали* ‘о слабом чае’: «Портянки полоскали — чай худо заварен» [ЛКТЭ], *Постные щи — хоть порты полощи!* [Даль ПРН 1957: 813]. В плохом, жидком супе мог «побывать» и овечий или лисий хвост, ср. блр. диал. *авечый хвост пабаўтаўся*: «Якая табе яда надо, авечый хвост пабаўтаўся і еж» [Юрчанка 2002: 85], кашуб. *lës ogonaq <...> zakręcił* («лиси хвостом замешал») [Sychta 2: 353].

Сюжет полоскания чего-либо в жидком супе, несущий шутиливо-негативную экспрессию, развивается и в «эротическом» ключе, ср. рус. *Щи — хоть жопу (муде) полощи* [Снегирев 1995: 588], *Щи — хоть хрен (х...) полощи*. Появление жидкого супа к обеду — это своего рода подмена, гарантирующая эффект обманутого ожидания: вместо сытных, наваристых щей человек получает «кукиш», ср. арх. *Ритатуй, ритатуй, посерёдке х...!* [КСГРС]. Сходная символика обнаруживается и в блр. диал. *грыб пабаўтаўся* ‘о блюде с непитательной заправой’ [Юрчанка 2002: 101], где *грыб* эвфемистически заменяет *penis*. Такой суп и его приготовление, естественно, может описываться с помощью бранной и ненормативной лексики (или заменяющих ее эвфемизмов), ср. влг. *матюк* [КСГРС], костр. *муденица* [ЛКТЭ], арх., влг., костр. *голожопица*, костр. *голоп...дица*, влг. *голозадница*¹: «Суп из картошки, лука да воды голожопицей мы звали, без мяса-то, а голод-от заставляет» (костр.), «Голожопицу все едим. Что едим, так и жисть живем» (влг.), «Голожопица — картошка, вода, соль, можно чесноцёг, да йесьли йесь — сальця» (арх.), «Один шавель и вода, голоп...дица, в войну больше ничего не было» (костр.), «Голозадницу таку хлебала: рыбка бегае по дну — хер поймаеш хоть одну» (влг.) [СГРС 3: 80; АОС 9: 259; ЛКТЭ]; ср. также польск. диал. *pitk* (*pitak*) ‘penis’, *pitolić* ‘coire’, ‘плохо готовить’, *pituch* ‘жидкое блюдо из картофеля’ [Karłowicz 4: 113]. В контекстах к таким словам тоже может звучать тема обмана: влг. «Голожопица, ничего там нет, суп как жопу показываёт» [КСГРС].

Наконец, возвращаясь к особенностям приготовления пустых супов, следует отметить скорость их варки. Из-за своего скудного состава они обычно довольно быстро готовятся, что отражено в костр. *скороварка* ‘пустой суп’ [ЛКТЭ], ср.-урал. *крутоварка* ‘то же’ [ДЭИС], новг. *ленивые щи* ‘щи без мяса, постные щи’ [НОС: 1320] (ср. литер. *ленивый* ‘о кушаньях: приготовленный более быстрым способом’). В сочетаниях типа *ленивые щи* свойство лени шутиливо приписывается продукту, хотя, разумеется, за этим определением скрывается характери-

¹ Здесь значима, конечно, и семантика компонента гол- (ср. выше об участии слов с корнем гол- в обозначении пустых супов и слабых чаев), а кроме того, мотив бедности.

стика повара, которому не хочется «связываться» с блюдом, требующим длительного времени приготовления. Эта характеристика выходит на первый план в влг. *бобьльскый*¹ суп ‘пустой суп’ [КСГРС]. Вероятно, такие супы воспринимаются как недоваренные, «сырые»: ленингр. *суровые щи* ‘постные щи’: «Суровые щи — без мяса щи иногда варят» [СРГК 6: 933], оренб. *суровый борщ* ‘постный борщ’: «Суровый борщ, ничё там нет, одне овощи», перм. *суровые* ‘недоваренные щи’ [СРНГ 42: 283]². Такое предположение основано на том, что слово *суровый* связано чередованием гласных с *сырой* (**surǫjь*) [Фасмер 3: 807]. Впрочем, в мотивации *суровых щей* или *борща* может быть отражен не собственно признак «сырости», а более широкая идея нехватки чего-либо, своеобразного «аскетизма», грубости пищи, ср. другие значения из смыслового спектра *сурового*: ‘жесткий (о воде)’, ‘прохладный (о погоде)’, ‘мелкий (о рыбе)’, ‘черствый (о хлебе)’, ‘грубый (о холсте, пряже)’ и т.п. [СРНГ 42: 283–284].

Среди обозначений пустых супов значительное место занимают слова и фразеологизмы, характеризующие их *состав*, присутствующие в них *ингредиенты*. Многочисленны наименования, во внутренней форме которых содержится прямое упоминание какого-нибудь «опорного» компонента пустого супа: новг. *крупёня* ‘постный суп из крупы’: «Часто варили раньше крупеню. Это постный суп, без мяса, с крупами» [НОС: 465], ленингр., калин. *гущерные щи* ‘постные щи, с одной крупой, без всякой приправы’ [СРНГ 7: 252], костр. *лукопéрица* ‘пустая похлебка с луком’: «Раньше где мяса-то было, по праздникам только, а так лукоперицу делали: лука да картошки кидали, да чего ж» [ЛКТЭ], пск. *ершеви́ца* ‘постная похлебка из ершей, кваса и лука’ [СРНГ 9: 36], свердл., удмурт. *пика́нница* ‘суп из борщевника’ [СРНГ 27: 23], *пистешница* ‘похлебка из полевого хвоща’ [СРГЮП 3: 331], свердл. *травяну́шка* ‘похлебка, сваренная из травы’: «В войну-то одной травянушкой и жили» [СРНГ 44: 346] и мн. др.

Некоторые ингредиенты супов могут получить шутовское переосмысление. Так, кислый запах и вкус капусты отражен в ленингр., карел., пск., моск., твер., новг. *купоро́сные щи* ‘щи из одной капусты (без мяса или рыбы)’: «Сварить хоть похлебки, да брошу грибки, а то все щи, да щи-то купоросны, надоели» (твер.), «Ето щи называются купоросны, что пусты, то без

¹ Ср. влг. *бобьль* ‘лентяй, бездельник’ [КСГРС].

² К этому же гнезду принадлежит, к примеру, и слово *суровéга*, которое называет блюда, вообще не подвергающиеся варке: *суровéга* орл., тул. ‘гречневое тесто, приготовленное на квасе или кислом молоке и политое постным маслом’: «Суровегу прежде готовляли так: в квас засыпали гречневую муку, солили и ели», орл. ‘толокняная похлебка с брусникой на квасе’ [СРНГ 42: 279].

мяса» (ленингр.) [СРНГ 16: 104; СРГК 3: 61]; «В посту уж отдохнем от скоромного: едим щи купоросные» (новг.) [НОС: 1320]¹. Откуда это наименование, если собственно *купорос* (так до начала XX в. называли серную кислоту) характерного запаха не имеет (хотя может вызывать раздражение при дыхании)? Дело в том, что в быту использовалась скорее не сама серная кислота, а олеум — неочищенная серная кислота, которую получали нагреванием железного купороса. Ее называли *купоросным маслом*. Серная кислота с примесями и в различных соединениях приобретала резкий едкий запах (это происходило, к примеру, с олеумом, хранившимся в закрытой емкости). Таким образом, специфический «аромат» щей с капустой (ср. пск., твер. *капустник* ‘о ком-либо или чем-либо плохо пахнушем’ [СРНГ 13: 60]) вполне мог ассоциироваться с запахом «купороса».

Но для наших целей интересны не столько «рецептурные» наименования, сколько характеризующие (качественные) номинации. Описывая состав жидкого супа, язык обращает внимание на малое количество ингредиентов, ср. шуточные идиомы типа влг., ср.-урал. *крупина за крупинкой бегаёт с дубиной* [КСГРС, ДЭИС], пск. *крупины за крупинкой (от крупины) <гоняются> с дубиной, крупина с дубиной* [СППП: 48], блр. диал. *крупіна крупіну гоніць, а трэцяя шыю ловіць* ‘о жидком супе’ [СПЗБ 2: 531], простореч. *крупінка за крупінкай бегаюць з дубінкай* [сообщено Т.В. Володиной]. Кроме того, при описании ингредиентов вновь звучит тема обмана и подлога: суп готовится из того, что нельзя сварить (ср., к примеру, костр. *суп из кункиных губ*: «У меня сегодня суп из кункиных губ. Туды ложится свёкольный лист, свёкла, картошка, яйцо, лук» [ЛКТЭ]²), из того, что не положено по рецептуре для данного вида блюд (арх., влг. *уха из петуха*: «У кого семьи большие, только цыганскую уху и ели: воду покипятят, посолют, перчик бросят и едят уху из петуха» (арх.) [КСГРС]), или из того, что вообще не существует, из «материализованного» отсутствия (смол. *нисчїмник* ‘суп, ничем не заправленный’: «Нишшимник — ета суп такей, кали туды ничога не кладуть», *нисчїмный* ‘без заправки, постный’: «Сяни суп задобрила, а заутри нишшимный» [ССГ 7: 96], простореч. *с нѣтом* ‘без начинки, приправы, пустой (о супе, пирогах и др.)’ [БСРП: 433]).

¹ Ср.: «Потом дурное питание: я все время ученья ел только так называемые купоросные щи, то есть из одной протухлой капусты, без всего!» (А.Ф. Писемский); «25–35 копеек берут они, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и название носят *щей арестантских*, купоросных, и слынут везде с таким приговором: “Наши щи хоть кнутом хлещи, пузыря не вскочит и брюха не окормят”» (С.В. Максимов. «Сибирь и каторга»).

² В этом наименовании отражены, по всей видимости, и эротические мотивы, основанные на языковой игре: губы ‘грибы’ ↔ ‘vulva’, при этом слово кунка является распространенным обозначением женских половых органов (интерпретацию *кункиных губ* см. в: [Березович 2007: 255, 266]).

Отсутствие должных составляющих чаепития может компенсировать беседа, что вышучивается в костр. *чай с языком* ‘слабый чай или чай без сахара’: «Чего простой чай пьешь? Чай с языком-от не пьют у нас» [ЛКТЭ]. Что касается супа, то необходимо вспомнить известную русскую народную сказку о солдате, варившем кашу из топора, ср. рус. новг. *колун варить* ‘варить пустой суп’: «Рыбака душа не морит: рыбы нет — колун варит» [НОС: 92]¹, арх. *из топора наварить* ‘сварить пустой суп’: «Нечего класти, так демьянову уху или: одна вода, из топора её наварим» [КСГРС]. «Навар» в таких щах может получаться не только от топора, но и от насекомых — ингредиентов несъедобных и непитательных: «Живем не мотаем, а пустых щей не хлебаем: хоть и сверчок в горшок, а все с наваром бываем»; «Дичь во щах — а все тараканы» [Даль ПРН 1957: 810, 813], польск. *Dobry żur, kije w nim szczur* («Хорош жур <жидкая кислая постная похлебка>, если в нем крыса»), т.е. «с мясом» [НКРР 3: 968]. В современной традиции такое «псевдомясо» в пустом супе фигурирует в анекдотах: «“Официант, у меня муха в супе!” Муха, возмущенно: “Он еще называет ЭТО супом!”» <<http://hahatun.com/2006/08/17/restoran-267.html>>. Подобные выражения в какой-то мере оправдывают оплошность хозяйки или повара, ср.: «В щах таракан — тот же махан <мясное>» [Даль ПРН 1957: 816], «Муха не прокусит брюха», «Таракан не муха: не взмутит брюха» [Даль 2: 362]. Отметим, кстати, что логическим продолжением мотива обмана становится тема грабежа: новг. *грабительные щи* ‘постные щи’ [СРГК 6: 933], ср. поговорку «Вор горох: воду оставил, а сам ушел <т.е. жидок>» [Даль ПРН 1957: 814], намекающую на то, что в пустой пище после кражи ценного содержания осталась одна вода (ср. также *вор* ‘обыденный квас, на скорую руку’; «Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел’ ‘о жидком квасе’ [Даль 3: 130, 713]).

Жидкий суп и чай — продукты, как правило, низкого качества, а значит, могут охарактеризовать *того, кто их приготовил*: *Какова Устинья, таково у ней ботвинья* [Даль 1: 339], пск. *Какова Аксинья, таково и ботвинья* [Даль 1: 339; СППП: 124]. Обобщенный — несмотря на «квазииндивидуализацию» с помощью личных имен — образ неумелой хозяйки отражен в рус. арх. *устиньина ботвинья* ‘жидкие щи’ [КСГРС], перм. *агапин чай* ‘чай некрепкой заварки’: «Пейте, девки, чай, не брезгуйте. Чай некрепкий — агапин чай» [СПГ 2: 521; СРГЮП 3: 337].

¹ Ср. также дон. *варить топор* ‘о полном отсутствии съестного’: «Ничиво нету — ну и вари топор», *жареные гвозди (гвоздички)* ‘об отсутствии съестного’: «Ждут дети жаринава. А я гаварю: “На третья жарини гвозди”», *жарить топор с долотом* ‘о невозможности приготовить какую-то особую пищу’ [БТДК: 67, 105, 151].

В архангельских говорах фиксируется ряд шуточных фразеосочетаний, указывающих на личное имя незадачливого повара (или поварихи), который готовит «лжеуху» (на самом деле — пустой суп без рыбы). Это Алька! *алькина уха* ‘суп из воды и лука’ [КАОС]; Васька: *васькина уха* ‘пустой суп’: «Васькина уха — картошка накрошенная, в воде сваренная; луковку ещё накрошат — вот и васькина уха», «Васькина уха — уха-безрыбца: сухари накрошат, перчику положат, луку покрошат» [КСГРС]; Демьян: *демьянова уха* ‘пустой, ненаваристый суп’, ‘блюдо из лука, жареного со сливками или молоком, в который накрошили хлеб’: «Демьянова уха — варили, когда нечего было есть. Раньше варили из хлеба, картошку накрошат», «Детей-то много было, нечего было есть, вот и фуркают — едят демьянову уху», «Жидкая, худая, нерыбная — демьянова уха. Если в грибнице грибов мало, скажут “демьянова уха”», «Скотину держали, мясо всегда было, демьянову уху не или», «Демьянова уха — это старинное слово, и до войны говорили» [КСГРС], «Демьянова уха — картошку накрошат, посолят, вот и получается. Луковицу скрошат туда» [КАОС]; Егор: *егоркова крошанка*, *егорова уха* ‘похлебка из сухарей и зеленого лука (обычно без рыбы)’: «Поешь крошанки-то, зря, что ли, луку крошила. Егорову уху и то есть не хочет» [СРГК 6: 658], «Безгрешная уха — егорова уха — рыбы нет, суха» [КАОС]²; Уля: арх. *улина уха* ‘всякий суп без рыбы’: «Шти — или капусны, или волнушны, или улина уха», «Картошки покрошиш да крупки маленько, да водички — улина уха» [КАОС].

Кажется, модель «притяжательная форма личного имени + уха = ‘пустой суп’» — исключительно архангельская (кроме одной фиксации *ухи егорки* в соседних вологодских говорах)³, при этом она вполне устойчива: фиксируется различными источниками (КСГРС, КАОС, СРГК) в разных районах (Каргопольском, Ленском, Онежском, Приморском, Холмогорском, Шенкурском) огромной области — от запада до востока. Это объясняет присутствие во фразеосочетаниях слова *уха*: рыба — основная пища жителей Архангельской области, которых, как известно, дразнили *трескоедами*. Встает вопрос, чем обусловлен выбор имен «поваров». Остановимся на нем подробнее.

Наиболее очевидный (и при этом вполне вероятный) ответ таков: имена случайны, а направленность их выбора только

¹ В архангельских говорах *Алька* обычно выступает как деминутив к именам *Алевтина* или *Александр*.

² Ср. также близкий факт, отмеченный в вологодских говорах: *уха егорка* ‘грибной суп’: «Уху егорову из грибов варили» [КСГРС].

³ Она не фиксируется в доступных нам диалектных словарях и картотеках по другим говорам, в том числе в картотеке сводного «Словаря русских народных говоров».

в том, что он осуществлен из списка тех имен, которые могли принадлежать представителям простого народа. Носитель имени — любой крестьянин (к примеру, *Алька, Васька, Демьян, Егор, Уля*), рацион которого, за редким исключением, был скудным и незатейливым: у него зачастую нет рыбы на уху — и он сидит на картошке, луке и грибах. В пользу такого предположения свидетельствует весьма высокая вариативность имен в составе фразеосочетаний. В то же время к некоторым именам из этого списка можно дать дополнительные комментарии.

Выражение *егорова уха (егоркова крошанка)*, возможно, имеет опосредованную связь с хрононимом *Егорьев день* (день св. Георгия, 23 апреля / 6 мая)¹. Стоит обратить внимание, что *егорова уха* означает не только ‘пустой суп’, но и ‘уха, сваренная из рыбы разных видов’ [АОС 13: 28], а в качестве родового слова для названия этой похлебки встречается как *уха*, так и *крошанка*. Известно, что в Архангельской области на Егорьев день и близкий ему временной период приходился ход (и, соответственно, лов) самой разной рыбы, ср. арх. *егорьевская сельдька (сельдь)* ‘мелкий сорт сельди, ежегодно появляющийся в Северной Двине с 23 апреля / 6 мая’ [СРНГ 8: 317; СГРС 3: 302], арх. *егорьевская щучка* ‘щука, появляющаяся около 23 апреля / 6 мая’: «А шестого мая будет Егорий, так егорьевская щучка, ставят курьи» [АОС 13: 31], *егорьевский ход* ‘ход рыбы около 23 апреля / 6 мая’: «Егорьевский и успенский ходы сельди — то же, что весенние всходы и уборка хлебов для земледельческих широт России» [Бернштам 2009: 157]. Вполне логично, что в это время рацион архангельских крестьян был особенно насыщен рыбой, а ее остатки составляли основу похлебки-*крошанки*. Очевидно, что в составе *крошанки* изначально присутствовала рыба, а с течением времени блюдо видоизменилось — уха начала противопоставляться всякой мясной, питательной похлебке, требующей долгого приготовления, ср.: «Мясо дорого, так мать егорова уха еси», «Как есь нечего — “Бабушка, да делай мне егоровой ухи”», «Егорову уху варим — сухари, масло, лук, солцы зальешь кипятком» [АОС 13: 28], «А ещё егорову уху варили, в это давношнее блюдо — сухари, чёрные, лук, две ложки для вкусноты, заливаешь кипятком — и похлёбка готова» [КАОС]. Надо учесть и то обстоятельство, что рыба, которая ловилась в канун Егорьева дня, еще не «нагулялась» после зимы и поэтому уха из такой рыбы вряд ли могла быть очень жирной и наваристой. Таким образом, использование имени

¹ Восприятие апреля и начала мая как времени голодного (кончались зимние припасы и проходил Великий пост) закреплено в народной хрононимии, ср. вят., севернорус. *Марья — Пустые щи* ‘1 / 14 апреля, день преподобной Марии Египетской’: «Марья — Пустые щи, запас капусты на исходе» [РНК, в печати: 248].

Егор как производящей основы для *егоровой ухи* может объясняться переосмыслением хрононима *Егорьев день* (хотя «простонародные» коннотации антропонима *Егор* и общую поддержку со стороны антропонимической модели номинации пустых супов тоже нельзя сбрасывать со счета).

У других имен, функционирующих в рамках рассматриваемой модели, «календарные» связи, кажется, отсутствуют. Особое внимание привлекает имя *Демьян*, участвующее в сочетании *демьянова уха*, которое совпадает с названием известной басни И.А. Крылова. Как мы предполагаем, имя *Демьян* появилось в составе выражения, обозначающего пустой суп, по той причине, что за ним стоят такие ассоциации, как простонародность, связь с крестьянством и бедность. Не случайно крестьянский поэт Ефим Придворов в качестве творческого псевдонима выбрал имя *Демьян Бедный*¹. Интересно, что антропоним *Демьян* — только в демунивативной форме *Дёмка* — присутствует в обозначении другого пустого блюда, ср. влг. *дёмкины рыжики* ‘кушанье из картошки, лука, хлеба’: «Ничего поить нет, только дёмкины рыжики. Картошечки немножко наварим, да лучка, да хлебца накрошим. А рыжиков никаких там и нет, только так шутят» [КСГРС]².

Но как связаны архангельский диалектный фразеологизм *демьянова уха* и крыловская басня³, в которой уха, сваренная «гостеприимным» Демьяном, — чрезмерно назойливое, неумеренное угощение, не согласующееся с желанием и аппетитом гостя, ср. литер. *демьянова уха* ‘неодобр. о том, что назойливо предлагают, навязывают кому-л. против его воли в неумеренном количестве’⁴? Как считают фразеологи, литературная

¹ Думается, что сочетание *одемянить литературу* (сделать ее крестьянско-пролетарской, призвать в нее десять тысяч ударников и проч.), фигурировавшее в публицистике конца 20-х — начала 30-х гг. XX в., «питалось» не только именем *Демьяна Бедного*, но и общими коннотациями антропонима *Демьян*.

² За именем *Дёмка* можно усмотреть и некоторый коннотативный фон, связанный с действием или субъектом обмана, ср. новг., твер. *дёма* ‘тот, кто обманывает, плутует’, твер. *дёмка* ‘то же’, твер. *дёмить* ‘лукавить, обманывать’ [СРНГ 7: 349]. Имя *Дёма (Дёмка)* могло появиться среди обозначений обманщиков вследствие притяжения к слову *демон*, ср. твер. *демёшка* ‘сатана, демон’, *демёшкины (дёмкины) ребята* ‘нечистые духи, черти’ [СРНГ 7: 349] (см. такое объяснение *дёма* ‘плут, обманщик’ в: [Фасмер 1: 497]). О наделении обманщика личным именем см.: [Кучко 2013], где приводятся и другие имена субъектов обмана (например, *Макарка, Алёша, Вакула*). Однако «обманное» слова имеют узкий ареал (новг., твер.), не совпадающий с ареалом фразем *дёмкины рыжики* (влг.) и *демьянова уха* (арх.). Кроме того, эта версия может рассматриваться для объяснения коннотаций имени *Дёмка*, а не *Демьян*. Все это делает ее весьма уязвимой.

³ Стоит напомнить ее мораль: «Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь: / Но если помолчать во время не умеешь / И ближнего ушей ты не жалеешь, / То ведай, что твои и проза, и стихи / Тошнее будут всем Демьяновой ухи».

⁴ Вот иллюстрация к такому значению идиомы: «Но его хлебосольство порой становилось хуже демьяновой ухи» (В.О. Ключевский). Однако идиома, вероятно, могла иметь и другие контекстные смыслы. Так, в рассказе И.А. Гончарова «Уха» *демьянова уха*, судя по всему, — уха из разных

идиома порождена именно басней Крылова [РФ: 716], ее приводят как пример «лакунарного фразеологизма, появившегося на основе произведения художественной литературы» [Байрамова 2013: 171]. Думается, диалектная и литературная фраземы никак не связаны между собой по происхождению, и Крылов не знал архангельского выражения. В то же время сам факт сотворения великим баснописцем идиомы, совпадающей по форме с диалектной, говорит о том, насколько органичной была его «народность».

Что касается имен *Алька*, *Уля* и *Васька*, то здесь трудно дать комментарий. Вероятно, повторим, это «случайные» народные имена, втянутые в сферу действия модели.

Завершив рассмотрение сочетаний с участием слова *уха* и личных имен, вернемся к аналогичному им по структуре выражению *дёмкины рыжики* ‘кушанье из картошки, лука, хлеба’, которое было упомянуто выше. Оно записано на востоке вологодско-костромского пограничья, в Никольском районе Вологодской области. В этой же зоне (в Шарьинском районе Костромской области) отмечены два других выражения со словом *рыжики*: костр. *куликовы рыжики* ‘похлебка из воды и хлеба’: «Голодно было, хлеба в воду накрошим и хлебаём. Вот куликовы-те рыжики. Буди, на болоте рыжиков нет, вот и назвали», *чичины рыжики* ‘блюдо из кваса, хлеба и растительного масла’ [ЛКТЭ]. Учитывая контекст, иллюстрирующий сочетание *куликовы рыжики*, стоит предположить, что в нем фигурирует название птицы *кулик* — как известно, болотной. Что касается *чичиных рыжиков*, то «героя» этого выражения установить пока не удалось.

Осмывая параллелизм сочетаний со словами *уха* и *рыжики*, следует заключить, что у них есть общая мотивирующая presupпозиция: *уха* и *рыжики* означают ценимые в той или иной местности блюда, а притяжательное прилагательное чаще всего указывает на того, кто «понижает статус» блюда (не имеет нужных продуктов, не способен приготовить и т.п.).

Еще один мотив, встречающийся в «дискурсе» пустой пищи, — «национальный». О хозяйке, заварившей жидкий чай, говорит присловье «Чай жидок, а хозяйка русская», основанное на ложной ремотивации *жидкий* ↔ *жид* (еврей), которая поддер-

видов рыб’: «Часа в три дня явились и мужчины с рыбой для ухи. Уха вышла на славу, совершенно *демянова уха*. Женщины набрали сухих ветвей, развели огонь, все молча налили большую кастрюлю водой, вскипятили, положили туда живых стерлядей, ершей, сазанов и стали варить уху». Этот рецепт схож с той ухой из разных сортов рыбы (сазанов, ершей и стерляди), которую варил крыловский герой. Возможно, Гончаров, вспоминая крыловский текст, использовал известную идиому с иным смысловым акцентом.

живается стереотипным представлением о скупости евреев (ср. популярный анекдот о Рабиновиче, которого перед смертью спросили, как ему удалось заваривать великолепный чай. Рабинович открыл секрет: «Евреи, не жалейте заварки!»). «Национальную» тему продолжает простореч. *китаец* ‘о жидком чае’, в котором тоже можно усмотреть ремотивацию: номенклатурное *китайский чай* подменяется цветовой характеристикой (цвет кожи китайца), ср. также простореч. *китайцы* ‘иронично о тех, кто сушил спитой чай, а потом выдавал его за настоящий «китайский»’ [ЯСМ: 254]. Как плохое и некачественное может расцениваться непривычное русскому вкусу блюдо другой национальной кухни, ср. оренб. *салма́* ‘кушанье вроде саламата: кусочки тонко раскатанного теста, опускаемые в похлёбку, в мясной бульон, наподобие лапши’, ‘прозвище татар, намек на любимое национальное блюдо’, ‘всякая плохая похлебка’ [Малеча 4: 15]. Стоит напомнить также приведенное выше арх. *цыганская уха*: в этом названии сильна каритивная мотивация (*цыганское* как неполноценное, аномальное и т.п.).

Язык может рассказать не только о том, кто готовит жидкую пищу, но и о том, *кто, когда и где ее употребляет*. Жидкий суп ели преимущественно во время поста, что дает основания обыгрывать его «святость»: «Порозжая (порожня) еда свята, да не сладка (да жидка)» [Даль 3: 319], арх. *безгрешная уха* ‘похлебка из сухарей, соли и перцу’ [СРГК 6: 659], ‘пустой суп’: «Безгрешная уха — лук да хлеб крошат, вот и вся уха, без рыбы» [КАОС], арх. *монастырский суп*: «Здесь варили монастырский суп: картошку варили, в этой же воде толкли. Он назывался монастырским, потому что постный» [КСГРС]¹, простореч. *суп с молитвой* ‘постный суп’². При этом жидкая пища ассоциируется с голодом, нуждой, бедностью: костр. *голодаиха* ‘пустой суп’ [ЛКТЭ], арх., влг., костр. *нужда* ‘то же’: «Нужду варишь:

¹ Отметим, что представления о *монастырских супах*, отраженные в русской языковой стихии, весьма амбивалентны. В современном дискурсе *монастырский суп* — как правило, постный (см. рецепты на различных кулинарных сайтах интернета), а вот *монастырская уха* — блюдо весьма богатое и скоромное, ср.: «Уха монастырская — не знаю, почему она получила такое название. Может быть потому, что некоторые священнослужители были гурманами и чревоугодниками. Отличие такой ухи от обычной в том, что варится она на курином бульоне» <<http://www.povarenok.ru/recipes/show/10295/>>. Об устойчивости церковных мотивов в названиях рыбных блюд (на фоне «монархических» в наименованиях мяса) рассуждает в своем шутовском посте Т.Н. Толстая: «Видела в магазине буженину “Имперскую” и свинину “По-царски”. Я не понимаю, почему монархические мечтания приписываются свинье, а баранина, например, никогда в претензиях на трон не была замечена. Рыба при этом пошла по линии РПЦ: уха монастырская, уха архиерейская, рыбно-овощные котлеты монастырские, этсетера. Это можно понять: пост и прочее. Но что делает свинья в порфире, я как-то не понимаю. Не чувствую, что ли» (Facebook, 01.09.2013).

² Ср. также перм., костр. *пирог с молитвой*, ростов., яросл., новг. *пирог с амином (с амином)* ‘пирог без начинки’ [СРНГ 18: 217; 27: 39], краснояр., свердл. *молитвенник* ‘пирог без начинки; лепешка без приправы’ [СРНГ 18: 219; СРГУ 2: 135], вят. *с постной молитвой испечь* ‘без начинки испечь’ [СРНГ 30: 230] и др.

лук-от с хлебом заваришь кипятком» (арх.), «Сёдни я нужды наварила — мука, картошки наложила, а мяса-то нет» (влг.), «Нужда, знаешь, суп варили, это в войну всё. Лук и всё. Сваришь — оно вроде как уходит» (костр.) [КСГРС; ЛКТЭ; СРНГ 21: 312], ср. также польск. простореч. *bieda* 'то же' [сообщено Е. Бартминьским]. Эта связь проявляется не только во внутренней форме самих «пищевых» слов, но и в производных от них: рус. диал. шир. распр. *мури́вка*, *мурсо́вка* 'кушанье из хлеба, лука, растительного масла и соли (иногда также сметки и яиц), залитых водой или квасом, тюря' → бурят., иркут., Краснояр. *мури́вка* 'мучительные хлопоты; неурядицы, горе', иркут. *хлебнуть мури́вки* 'узнать горя, хватить лиха' [СРНГ 18: 359–360]. Жидкий, пустой суп считался блюдом бедных крестьян, о чем говорит, к примеру, влг. *крестьянский суп* 'пустой суп': «Суп крестьянский: ни луку, ничё в нём нет, а я зову дак суп бобыльский» [КСГРС]. Есть и примеры на обратную модель (обозначения крестьян, образованные от названий бедной пищи), ср. бурят. *бурду́шник* 'устар., пренебр. о бедном крестьянине': «Кулаки нас раньше так бурдушниками и называли. Дескать, кроме бурдука у вас на зуб и положить нечего» ← *бурдук* 'кушанье в виде жидкой каши из муки и воды' [СРГС 1: 102].

Показателем достатка и соответствующего ему высокого социального статуса могла быть и крепость чая. Крепкий чай пили купцы, бары и духовенство, жидкий — простой люд, ср. арх. *купеческий* 'хорошо заваренный (о чае)': «Когда хорошо заваривают <чай>, так это купеческий» [КСГРС]; «Барин пьет, пока хочет; поп пьет, пока чай красный; купец пьет, пока пот прошибет; а мужицкий аппетит — сколько воды хозяйка накипятит» [Иллюстров 1915: 415].

Язык отражает способность таких продуктов стать меткой определенной эпохи, которая считается особо голодной из-за социальных катаклизмов: костр. *пятилетка* 'пустой суп': «Пятилетка — мяса нету, сдали государству», *мясовинность* 'то же' [ЛКТЭ]. Последнее слово образовано на основе одноименного канцеляризма (< *повинность*, выплачиваемая мясом), стоящего в ряду других обозначений *повинностей* (многочисленных продналогов и т.п. в годы советской власти), ср. *молловинность* 'налог молоком', *яйповинность* 'налог яйцами', *дорповинность* 'налог, отрабатываемый на строительстве дорог' [ЛКТЭ].

В советское время (особенно в 30–40-е гг.) в особо «рыбных» районах Архангельской области, где были рыболовецкие колхозы¹, существовало такое правило: пойманная рыба полно-

¹ Это главным образом районы на побережье Белого моря и в низовьях Северной Двины и Мезени — Приморский, Онежский, Мезенский, Холмогорский.

стью сдавалась государству, рыбакам не разрешалось брать себе ничего. Боясь быть уличенными в присвоении государственной рыбы, колхозники и вовсе перестали варить уху или делали это крайне редко, ср. арх. «Конечно, на тонях сидели на колхозных, дак иной раз бригадир и даст на ушку», «Рыбы не было. Если услышали — за пропаганду могли увезти, не сталинска — перепиши — советская уха» [КАОС]. В результате *сталинской* или *советской ухой* стали называть всякую безрыбную похлебку или похлебку на рыбном бульоне, но без рыбы, ср. арх. *сталинская уха*: «Сталинская уха — из картошки и лука», *советская уха*: «За “советскую уху” <слова> могли посадить. <...> До и после войны, в войну варили, потом стала рыба появляться»; «Советская уха — с рыбы наварка, туда яичко да зелени покрошат — тюрят такая получалась»; «Тут уж говорили — советской ухи похлебаешь. Рыбы нету — картошечки накрошишь, какой крупичицы — давайте советской ухи» [КАОС].

Голодное время ассоциируется не только со Сталиным, но и с другими государственными деятелями, ср. простореч. *керенский чай* ‘некрепкий чай’ [сообщено Г.И. Кабаковой], *гайдаровский суп* ‘суп из картошки с луком, без мяса’ [ЛЗА: г. Киров]¹. Проводниками продовольственной политики государства были руководители на местах: влг. *председателей суп* ‘пустой суп’: «Суп из топора, рататуй, председателей суп — картошка да вода» [КСГРС], ср. также *комиссарик* ‘картофельная лепешка без муки’: «Из картошки стряпали драники, комиссарики-то. В голодные годы муки комиссары не оставили»; «Из картошки трахмал достанут, а из отёрышей этих пекли комиссариков. Комиссары-то последнее отняли» [ЛКТЭ]².

Голодным может быть не только время, но и место, поэтому постная пища становится непременным атрибутом тюрьмы, ср. устойчивое сочетание *тюремная баланда*, *арестантский суп*. В связи с темой тюрьмы стоит вспомнить и жарг.-простореч. *кондёр*, *кандёр* ‘жидкая тюремная пища, похлебка’ (см. выше).

Естественно, что пустой суп оказывается весьма непитательным: «Щи хоть кнутом хлещи, пузыри не вскочат, брюха не

¹ В ряду шуточных названий некачественных продуктов, отсылающих к именам государственных деятелей, можно назвать и польск. простореч. *łupież Breźniewa* («плешь Брежнева») ‘чай низкого качества, похожий на пыль, который продавали в брежневские времена’ [сообщено Ст. Небжеговской-Бартминьской].

² Можно привести еще следующие фразеосочетания: влг. *председатель поссал*, *комиссар поссал* ‘о некрепком самогоне’: «Первач-от крепкий, а потом слабое делается, председатель поссал или комиссар поссал» [СГРС 5: 290]. Они вписываются в ряд наименований некрепких напитков, в основе которых образ мочи (см. выше), однако выбор комиссара и председателя в качестве «героев» мотивирован, очевидно, тем, что с ними связаны представления о бедной, некачественной пище в голодные времена.

обжорнят» [Иллюстров 1915: 401], «Siedem łokci żuru nagotuje — chłep, chłep, w dupie pustki» («Семь стаканов жура наготовит — хлоп, хлоп, в заднице пусто») [НКРР 3: 968]. Употребление жидкой похлебки может быть весьма чреватым для здоровья: *Этот суп только пучит нуп* [Даль ПРН 1957: 815], новг. *свисту́ня* ‘жидкая овсянка, иногда с мясом’ [Даль 4: 151], арх. *свисту́ха* ‘похлебка из отвара репы с квасом, дрожжами и хлебом’ [СРНГ 36: 302] (ср. пск., твер. *свисту́ха* ‘понос’ [Там же])¹, а также влг. *брюходуй* ‘пиво, приготовленное второй раз на том же сусле’ [СРНГ 29: 117]. Иной образный поворот этой темы — в рус. простореч. *суп-бегунец* ‘овощной суп’ (съешь и «бежишь» в туалет), перм. *драповая похлебка* ‘дешевая похлебка в «обжорке»’ [СРНГ 8: 175] (от *драпать?*); возможно, сюда же влг. *лётный суп*: «В армии я был — лётный суп звали. Вода да капуста. Опозорен этот суп» [КСГРС]. Эта идея заложена и в польск. *oblecistodolka* ‘вид похлебки’ [SW 3: 472]: это слово, образованное от *oblecieć* ‘облететь’ + *stodola* ‘овин’, ‘хата’, прочитывается как «та, которая заставляет бежать во круг дома (в туалет?)».

Отсюда понятно, что непитательные супы такого рода могли отдаваться животным: смол. *хуть ты на сабаку лей* ‘плохое кушанье’ [Добровольский 3: 77], блр. диал. *хоць на сабаку вылі (злі)* ‘о жидкой пище: совсем не вкусная’: «Сягонячы наварыла капусты — хоць на сабаку вылі» [СБНФ: 292], ср. орл. *собачина* ‘о плохом угощении’: «Мое вам почтенье, да нечего дать: была собачина, да вся потрачена» (поговорка) [СРНГ 39: 147], яросл. *свинячий* ‘негодный к употреблению, плохой’ [СРНГ 36: 291].

* * *

Не только сама жидкая пища, но и ее названия обманывают ожидания. Но это «обман наоборот»: за обозначениями скудной и бесцветной пищи кроется богатый и колоритный фрагмент народной жизни.

¹ Слова *свистуха* и *свистунья* мотивационно близки другим обозначениям пищи, звуковой состав которых отражает физиологическую реакцию организма на ее употребление. Ср., к примеру, простореч. *музыкальный суп* ‘гороховый суп’, арх. *быр-быр-быр* ‘гороховый суп’: «Наварила быр-быр-быр из гороху, наешься его — в животе-то быргат», арх. *быргуша* ‘шутл. гороховая каша’: «Быргушу варили из гороху; съешь — в животе-то быргает» [КСГРС], польск. *ratatjka* ‘похлебка на горячей воде с мукой’ [SW 5: 479; Karłowicz 5: 12], кашуб. *rututu* ‘картофельный суп’ [Sychta 4: 370] и др. Кашубскую лексему В. Борысь сравнивает со звукоподражательным польск. диал. *ru-tu-tu* ‘звук бубна’, — таким образом, суп получает название по физиологическим реакциям организма (выделение газов) [SEK 4: 221]. Польское и кашубское слова выводят на ряд русских диалектных названий некачественной пищи, включающих в свой состав звукокомплекс *m-(n)-p-a-y-(ü)* (*пата-туй* и т. п.); о нем подробнее в: [Березович, Пьянкова 2008].

Архивные источники

- КАОС — картотека «Архангельского областного словаря» (МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка)
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург)
- КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)
- ЛЗА — личные записи авторов (материалы современной русской разговорной речи)
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург)

Библиография

- [АОС] Архангельский областной словарь. М.: МГУ, 1980—. Вып. 1—.
- Аркушин Г.Л.* Словник евфемізмів, уживаних у говірках то молодіжному жаргоні Західного Полісся і західної частини Волині. Луцьк; Люблин: Видавництво обласної друкарні, 2005.
- Байрамова Л.Ф.* Лакунарная славянская фразеология как национальный компонент лингвокультуры // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: XV Международный съезд славистов (20–27 августа 2013 г., Минск, Беларусь). Greifswald, 2013. С. 170–173.
- Белянин В.П., Бутенко И.А.* Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий. М.: Ин-т культурологии РАН, Министерство культуры, 1993.
- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
- Березович Е.Л., Пьянкова К.В.* *Рататуй и таратор* // Этнолингвистика проучавања српског и других словенских језика: У част академика Светлане Толстој / Ур. П. Пипер, Љ. Раденковић. Београд: САНУ, 2008. С. 81–95.
- Бернштам Т.А.* Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009.
- [БСРЖ] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
- [БСРП] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- [БТДК] Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003.
- В.Ш.* Пища и питье крестьян малорусов с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 269.
- [Даль ПРН 1957] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Русский язык, 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
- Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб.; М.: Типография С.Н. Худекова, 1891–1903. Ч. 1–4.
- [ДЭИС] Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / Авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина; Свердловский областной Дом фольклора; кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ. Екатеринбург, 2009.
- Иллюстров И.И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорах. Сб. русских пословиц и поговорок. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1915.
- Кучко В.С.* «Обманщик» и «обманутый» в зеркале русской диалектной лексики // Русская речь. 2013. № 4. С. 97–102.
- Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003. Т. 1–4.
- Номис М.* Українські приказки, прислів'я та інше. СПб.: В друкарнях Тиблена и комп. И. Куліша, 1864.
- [НОС] Новгородский областной словарь / Изд. подготовили А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- [ОСВГ] Областной словарь вятских говоров. Киров: Изд-во ООО «Коннтектика», 1996–. Вып. 1–.
- Подвысоцкий А.И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885.
- [РНК] *Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Пьянкова К.В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е.Л. Березович. М. (в печати).
- [РФ] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
- [СБНФ] *Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск: Выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1972.
- [СВГ] Словарь вологодских говоров. Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ун-та, 1983–2007. Вып. 1–12.
- [СГРС] Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- [Снегирев] Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирев. М.: Русская книга, 1995.
- [СПГ] Словарь пермских говоров. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.
- [СПЗБ] Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–1986. Т. 1–5.
- [СППП] Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001.
- [СРГК] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.

- [СРГМ] Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия). Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. Т. 1–8.
- [СРГС] Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
- [СРГСУ] Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство; Изд-во Урал. гос. ун-та, 1964–1987. Т. 1–7.
- [СРГЮП] *Подюков И.А., Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.
- [СРНГ] Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- [ССГ] Словарь смоленских говоров. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ун-та, 1974–2005. Вып. 1–11.
- [ССРГ] Словарь современного русского города. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003.
- [СФСРЯ] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
- Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
- [ФСПГ] *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- [ЭССЯ] Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Отв. ред. акад. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Юрчанка Г.Ф.* Народнае мудраслоўе: Слоўнік. Мінск: Бел. навука, 2002.
- [ЯСМ] *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, Транзиткнига, 2004.
- Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków: Drukarnia C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900–1911. Т. 1–6.
- [НКПП] Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga / Red. J. Krzyzanowski, S. Swirko. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978. Т. 1–4.
- [SEK] *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszybszczyzny. Warszawa: Sławistyczny Ośrdek Wydawniczy, 1994–2006. Т. 1–5.
- [SGŚ] Słownik gwar śląskich. Opole: Państwowy Instytut Naukowy, Instytut Śląski w Opolu, 2000–. Т. 1–.
- [SW] *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. Т. 1–8.
- Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967–1976. Т. 1–7.